

Фильм ушел к зрителю

Сегодня мне хочется поговорить не о наших профессиональных проблемах — проблемах мастерства, формы, драматургии, режиссуры, актерского искусства. Я было уже сказал — «не о творчестве», но осекся, потому что все-таки то, о чем сегодня хочется поразмыслить, — это тоже творчество.

Я хочу поговорить о судьбе фильма не тогда, когда он замысливается, рождается на свет, но тогда, когда он уже родился и ушел к зрителю. И вот, произведя на свет наше дитя, мы, режиссеры, бросаем его, по сути говоря, на произвол судьбы...

Что я имею в виду? То, что режиссер сегодня никак не может влиять на прокатную, зрительскую судьбу своей картины. Даже если бы и хотел. И это положение, хотя и существует многие годы, всех нас почему-то не удивляет, наверное, мы к нему попросту привыкли.

Вот как-то я в кинотеатре посмотрел картину Сергея Аполлинариевича Герасимова «У озера». Фильм этот двухсерийный, и я очень удивился, когда демонстрация его закончилась за полтора часа. Две серии пройти за это время никак не могли. Я заинтересовался и пошел к киномеханику спросить, как ему удалось так быстро показать двухсерийный фильм. А он говорит: «Сидит в фильме девица перед зеркалом и сама с собой разговаривает. Зачем это нужно показывать людям?»

Вот и получается, что своим лентам мы помочь уже не можем потому, что они попадают зачастую в руки человека, подобного этому самому киномеханику. Наши фильмы порой не достигают цели, не доходят до тех людей, для которых мы их делаем.

Здесь две вины, если можно так сказать, две стороны вопроса: наша, тех, кто делает фильмы, и тех, кто их прокатывает. С нас, кинематографистов, я ответственности не снимаю, отнюдь. Действительно, работники кинотеатра здесь вполне справедливо предъявляют нам претензии: еще очень немало плохих картин выходит на экран. Каких откровений в кинозале мы можем ожидать, если нет порой откровения в нашем творчестве?

Но есть и другая «вина», другая сторона вопроса.

И здесь мы снова обращаемся к прокату, к работникам проката — людям, которым мы вручаем судьбу своего «ребенка» — фильма. Я не хочу сказать, что все у нас в прокате плохо, отнюдь.

Скажем, у нас в Туркмен-

нии в колхозах учреждена должность заместителя председателя по культуре. Подумайте, в республике — более трехсот колхозов, и если в них есть триста вот таких людей, болеющих за культуру, могущих каждый собрать вокруг себя хотя по десятку энтузиастов, организаторов! Это уже сила, это уже целая армия пропагандистов культуры, в том числе, а может быть, и прежде всего — кино.

Но... Но на деле, к сожалению, эта очень важная и своевременная учрежденная должность не всегда отвечает требованиям жизни. Многие из людей, занимающих ее, не имеют соответствующего образования, не владеют искусством пропагандиста.

Мне часто приходится бывать в колхозах в связи с премьерными или демонстрацией фильмов. Удивительно проходят эти встречи. Очень много людей собираются, интересно обсуждают увиденное. Это, по-моему, один из необходимых методов — так можно работать с картиной, если работать...

«Союзинформкино» выступило с хорошей инициативой. Проводить премьерные показы фильмов по стране, с выездами группы творческих работников, которые встречались бы на местах со зрителями. Очень хорошее и важное дело, но вот только пока еще, кажется, в малых масштабах оно проводится.

Есть у нас также в Госкино совет по репертуарному планированию. Регулярно, раз в квартал, собираются заместители председателей Госкино из республик, чтобы обсудить, какие картины как пойдут у зрителя: ведь это очень важно — правильно спланировать репертуар кинотеатра. Иногда и хорошую картину можно погубить, неправильно выбрав момент для ее показа, неправильно подобрав окружающий репертуар.

Если же вернуться к вопросу о рабочих проката — о заведующих клубами, директорах киносети и прежде всего киномеханиках, — то теперь, как известно, приняты меры к улучшению их работы, к материальному стимулированию. Но уж коли так, то сейчас уже по старинке работать нельзя.

Как-то я был в Индии. Это прекрасная, удивительная страна — впрочем, об этом сказано и лучше, и красивее, и поэтичнее, чем мог бы сделать я. Равно как и о немислнмой, невиданной нищете, которую мы даже не можем себе представить.

И вот тем не менее, когда

мы были в городе Хайдар-абаде, то обратили внимание на кинотеатр, зашли туда. Шла какая-то очень плохая, кое-как скроенная из песен и танцев бесконечная, многочасовая лента. Но людей было много, и они, в высшей степени довольные, сидели в зале три-четыре часа. А зал был роскошный, с кондиционированным воздухом, с мягкими, удобными креслами: этот комфортный мир так был не похож на тот, который начинался для зрителей сразу же за пределами кинотеатра.

Я подумал: да, в таких условиях можно показывать кино. Даже очень плохое, что уж говорить о хорошем! А как у нас? Далеко не все наши кинотеатры могут быть культурным центром. Особенно в сельской местности. Они не обладают еще достаточной степенью комфорта. Можем ли мы в сегодняшних условиях, когда так широко распространено телевидение, по-настоящему бороться за зрителя? Как мы можем показать ему даже очень хороший фильм, если нет кондиционера летом или нет отопления зимой, если нет удобства, красоты и уюта? Ведь кинотеатр сегодня — это не та наша, скажем, послевоенная неприятная «киношк»». Это высокосовременное, удобное прибрежнне культуры, где человек не просто потребляет искусство, но еще и проводит свое свободное время, отдыхает, общается с людьми: в кино, особенно у нас в республиках, ходят семьями, с детьми, женами, родственниками. В Тельманском районе Ташаульской области мне рассказали интересный случай. Зимний клуб, который свой план выполнял всего на 60—80 процентов, после проведения отопления стал план выполнять на 160—200 процентов.

Ведь так немного нужно для того, чтобы чуть не вдвое повысить число зрителей! А из большего числа выйдет и больше по-настоящему понимающих, любящих киноискусство людей.

Как это нужно нашему прокату и нашему искусству!

Вот такие мысли приходят мне в голову постоянно. Мысли о нашем кино, об искусстве, которое рождается на свет так мучительно. Надо и принять этого «ребенка» в заботливые, ласковые, внимательные руки. Дать ему жизнь. А жизнь фильма, единственная его жизнь — в кинотеатре.

Ходжакули НАРЛИЕВ,
первый секретарь правления Союза кинематографистов Туркмении.

Сов. культура, 1979, 16 мая.